
ГРЕМУЧИЕ НАПЕВЫ» И «НЕВЕДОМЫЙ ЯЗЫК» В. Г. БЕНЕДИКТОВА (К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ)

В. В. Липич

*Доктор филологических наук,
профессор,
аспирант,*

А. А. Гаврилова

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет, г. Белгород, Россия*

Summary. The article is devoted to the investigation of the artistic features and language means of the poetic style of the original but undeservedly forgotten poet of the age of romanticism V. G. Benediktov.

Keywords: lyrics; style; rhythm; language; epithet; metaphor; eclecticism; poetics.

О поэтической судьбе В. Г. Бенедиктова негативного и несправедливого написано значительно больше, чем всё стихотворное наследие этого замечательного русского поэта. Читателей, которые восторженно откликнулись на творчество Бенедиктова, причисляли в своё время к людям второсортным, имевшим пошлые вкусовые предпочтения. Более того, пренебрежительно воспринимать сторонников его таланта и всю лирику в целом становилось делом модным и почти общепринятым.

Однако, принимая во внимание как негативные, так и позитивные отзывы на поэзию Бенедиктова и объединяя их, невзирая на характер оценки, можно отметить единодушие литературных критиков, указавших на характерологические особенности его поэзии, замеченные ещё в работах В. Г. Белинского, которые, собственно, и создали некую критическую традицию.

К отличительным особенностям лирики В. Бенедиктова можно без преувеличения отнести следующие: эклектичность поэтического стиля, наличие черт декламационно-ораторского стиля, реформирование стиха и литературного языка, а также новаторство в поэтике.

Первая и самая скандальная статья о В. Г. Бенедиктове была написана В. Г. Белинским и носила остро выраженный полемический характер.

ческий характер. В ней было ярко очерчено противостояние бенедиктовской поэтики по отношению к пушкинской, и приводятся примеры стихотворений обоих авторов. В. Белинский пишет о «мысли» и «чувстве», имея в виду единство эмоционального и рационального начала в поэзии: «...сочинение может быть с мыслью, но без чувства, и в таком случае есть ли в нем поэзия? И естественно, что чем глубже чувство, тем глубже и мысль, и, наоборот... из этого взаимного уничтожения рождается высокая художественность...» [3, с. 429].

Поэтическое творчество В. Г. Бенедиктова, как отмечает В. П. Зверев, «явно не входило в эстетические симпатии Белинского, он не принимал его, оно представлялось критику пышной помехой на генеральном пути развития русской литературы» [9, с. 204].

Классической основой поэтики «пушкинской школы» было требование ясности, точности, лаконизма и простоты. Как справедливо заметила Л. Я. Гинзбург, это и «предметная точность» [6, с. 28], мастерски переданная Пушкиным в зрелой лирике, и «лексическая», с требованием абсолютной стилистической целесообразности употребления каждого слова. Именно эти качества помогали создать впечатление о гармоничности стиха, «легкости и гладкости», в чём винили поэзию противники элегического стиля. Эта поэтическая легкость декларировалась сознательно:

*И мысли в голове волнуются в отваге
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут* [14, с. 248].

В это же время В. Бенедиктов привносит в русскую литературу совершенно иную поэтическую практику – провозглашает поэта «ремесленником во славу красоты», утверждает, что порой и блеск «хвального венца бывает тяжко вдохновенным» [1, с. 72].

Поэт пушкинского времени и круга П. А. Вяземский в «Письме к А. И. Г-ой» формулирует положение, определяемое поэзией «школы гармонической точности»: «Не пишите стихов на общие задачи. Это дело поэтов-ремесленников. Пускай написанное вами будет разрешение собственных сокровенных задач» [5, с. 130]. Для Бенедиктова-поэта «собственной сокровенной задачей» было внимание к форме, а не к теме:

*Изобретай неслыханные звуки,
Выдумывай неведомый язык!* [1, с. 137].

Так заявляет он о своей поэтической задаче, сознательно подчеркивая рациональное начало в поэзии, называя себя «ремесленником», противоположно Вяземскому, которому близко творческое начало в поэзии. И в этом просматривается связь с позицией Белинского. (Это разногласие носит принципиальный характер: отношение Бенедиктова к поэзии как к «ремеслу» и «труду» было ново для литературы начала XIX века и нашло своё последующее подтверждение спустя годы в поэтике символистов).

Если говорить о тематике стихотворений В. Бенедиктова, то здесь имеет место то, против чего предостерегал П. Вяземский, – «стихи на общие задачи». Сама тема, а не только конкретный образ, становится у поэта-ремесленника лирическим штампом. «Новый поэт», по утверждению С. П. Шевырёва, «поёт нам всё те же предметы, с каких начинали все поэты мира» [16, с. 99]. А. К. Шимкевич в своём исследовании отмечает, что «преднамеренность ограничения тематики Бенедиктова явно демонстративна» [17, с. 99]. В. Бенедиктов не открывает в выборе тем ничего нового, он достаточно традиционен и, по замечанию Л. Я. Гинзбург, «эклектичен»: «Здесь все, что угодно: наследственная элегическая лирика с сильной примесью архаистического пафоса, словом, Батюшков, приправленный Державиным; здесь романтическая тема «непризнанного поэта» («Скорбь поэта») и рядом мещанская эротика... и, наконец, обильная «натурфилософия» («Утес», «Жалоба дня», «Буря и тишь», «Две реки» и пр. и пр.» [7, с. 170]. Таким образом, следуя принципам строгой градации, можно выделить следующие темы и мотивы, так или иначе переплетённые в поэтическом тексте стихотворений Бенедиктова: философские, любовные, описательные (пейзажные), гражданские, характерные больше для второго периода творчества, а также стихотворения, в которых раскрывается тема поэта и поэзии.

Для поэта-романтика выбор тем и «методов подачи», по словам Л. Я. Гинзбург [7, с. 24], был связан с жанровым разделением, которое необходимо было выдерживать. В. Бенедиктов не только пытался смешивать лирические жанры в рамках одной те-

мы, но и вторгался в свою поэзию, по выражению К. Шимкевич, «отвергнутым пушкинской группой материалом» [17, с. 109].

Особенность романтической лирики Бенедиктова характеризовало намеренное жанровое смешение. Его ранние произведения, кроме названных им самим сонетов и некоторых посланий, с трудом поддаются жанровому определению. Стандартность романтических тем и мотивов вуалировалась в стихах В. Бенедиктова необычностью изобразительно-выразительных средств, в которых присутствовала яркая вещественность образов. Поэту интересна, прежде всего, «внешняя» сторона, форма явлений и предметов, а не «внутренняя», относящаяся к содержанию и идейному наполнению стихов. Это внимание к форме было в 30-е годы XIX века новым веянием в области поэтики, предвосхитившим поэтический опыт современников.

Поэзией «формульного типа» назвал Б. М. Эйхенбаум творчество В. Бенедиктова, и это стало неотъемлемой чертой его стиля: «При частых страданьях есть хохот в устах» («Два видения») [12, с. 59], «Она и рада, что проснулась, и сна лукавого ей жаль» («Три вида») [12, с. 64], «Все мрачное мраку, а Фебово – Фебу! Все дольное долу, небесное небу» («Облака») [12, с. 68], «Не говори, что я легок и молод! Не говори, что время впереди!» («К Н-му») [12, с. 88] и другие. Эта особенность проявляется в образном строе его поэзии и определяет в некоторых случаях выбор художественных средств и стилистических фигур. Л. Я. Гинзбург определяет стиль Бенедиктова как «метафорический» [7, с. 24], отмечая значительное место метафоры и сравнения в его поэзии и своеобразное применение Бенедиктовым этого поэтического тропа. К примеру, он использует такие стереотипные формулы, как дева-роза, дева-звезда, мать-природа, слезы-перлы, взор-луч, ланиты девы – заря и т. д. Иногда, действуя на привычном материале, он рисует целые комбинации ходовых метафорических штампов, например, таких, как приведенное Белинским двустишие:

*Любовь – лишь только капля яду
На остром жале красоты»* [4, с. 88].

«Любовь-яд» – довольно стертый метафорический материал, но у Бенедиктова с его стремлением к избыточности, вырази-

тельности он преобразён в достаточно сложную комбинацию, «формулу». На этом же материале он не раз выстраивает образные цепочки, например:

*Страдальца слезы брызнут кровью,
Ивсердце ядом хлынет кровь»* [12, с. 135].

Довольно часто В. Бенедиктов использует прием нанизывания метафор в цепочки (ряды), придающие стиху избыточность и пышность, и дающие исследователям, в частности К. Кружкову, право говорить о «катологизации» метафоры [12, с. 58]. «Бенедиктов все выставляет в один ряд, как будто хочет исчерпать в его многократном поэтическом назывании», – справедливо замечает В. А. Кошелев в статье «“Кудри” и “вальсы”...» [11, с. 27]. Этот прием обыгран в программном его стихотворении «Кудри»:

*Кудри девы-чародейки,
Кудри – блеск и аромат,
Кудри – пальца, струйки, змейки,
Кудри – шелковый каскад!
Вейтесь, лейтесь, сыпьте дружно,
Пышно, искристо, жемчужно!
Вам не надобен алмаз...* [12, с. 97].

Таким же образом Бенедиктов употребляет эпитеты: там, где у Пушкина единственно возможный – «кудри чёрные до плеч», Бенедиктов употребляет «нагнетание» эпитетов:

*В честь кудрей благоуханных,
Легких, дымчатых, туманных,
Светло-русых, золотых,
Темных, черных, рассыпных,
С их неистовым извивом,
С искрой, с отблеском, с отливом,
И закрученных, как сталь,
В бесконечную спираль!* [12, с. 179].

Иногда Бенедиктов использует приём простого назывного перечисления, как в знаменитом стихотворении «Вальс»:

*Все блестит: цветы, кенкеты,
И алмаз, и бирюза,
Ленты, звезды, эполеты,
Серьги, перстни и браслеты,
Кудри, фразы и глаза.
Все в движенье: воздух, люди,
Блонды, локоны и груди,
И достойные венца
Ножки с тайным их обетом,
И страстями и корсетом
Изнуренные сердца [12, с. 213].*

Здесь, помимо подробного перечисления, обращает на себя внимание характерная для бенедиктовской лирики особенность: «смешение несовместимого». В перечислении соединены предметы разных смысловых рядов: это кудри, браслеты, глаза и фразы – равноправно сосуществующие в строфе; сердца, изнуренные страстями и одновременно – корсетом. Всё это – неожиданная эклектика, но эклектика какая-то естественная, обаятельная и притягательная. Такой писательский прием, предвосхитивший поэзию XX века, для современников В. Бенедиктова оказался поэтической дерзостью и безвкусицей.

Особенностью поэтического почерка поэта является изобилие лексических и тематических повторов. Как справедливо утверждают лингвисты М. А. Бакина и Е. А. Некрасова, «серьезность и доскональность развития художественной темы станет одним из стилеобразующих принципов художественной системы Бенедиктова» [2, с. 115]. Для него нет «лишнего» материала, и в этом опять же заключается рациональность, рассчитанность его творческого почерка.

Стремление бенедиктовского метафорического стиля к избыточности изобразительно-выразительных средств, к яркой визуализации отразил в стихах поэта и приём реализации метафоры. Здесь троп является не только фрагментом образной структуры, а определяет композиционное строение стихотворения, отражая стремление автора к доскональному, предметно-подробному раскрытию выбранной темы, по выражению Л. Я. Гинзбург, «саморазвивающееся слово легко ох-

ватывает сюжеты целых стихотворений» [8, с. 161]. Реализация метафоры как своеобразный вариант развернутой метафоры – излюбленный приём у Бенедиктова, проходящий красной нитью через всё его творчество. Примеров тому достаточно много: стихотворения «Жизнь и смерть» (1836) [12, с. 105], «Предостережение» (1837) [12, с. 126], «Бездна» (1837) [12, с. 134], «Радость и горе» (1837) [12, с. 140], «А. А. И-ой» (1838) [12, с. 156], «Позволь» (1835–1842) [12, с. 227], «Могила любви» [12, с. 215].

Оригинальная особенность поэтического почерка Бенедиктова состояла также и в склонности к описательности, что отражено в самих названиях стихотворений: «Облака», «Ореллана», «Озеро», «Вулкан», «Комета», «Гроза». «Бенедиктов, – пишет Н. А. Котляревский, – любил описывать небеса, горы и моря, причем всеми этими разнообразными картинами он пояснял, в сущности, однообразное впечатление восторга. Такая восторженность исключала даже попытку пытливого мысли проникнуть в тайну вещественного явления» [10, с. 337]. В показе картин природы В. Бенедиктов достигает определенного внешнего совершенства, которое отмечал даже критически настроенный Белинский, утверждавший, что «Полярная звезда» по красоте стихов – чудо» [4, с. 367]. В этих стихах критик выделил их основную художественную особенность: «Описания – вот основной элемент стихотворений г. Бенедиктова» [4, с. 367]. Представитель шевыревского направления Я. Неверов также указывал на эту черту поэтического дара Бенедиктова: «Он живописец, видописец неподражаемый!» [13, с. 193].

Исследуя поэтические находки поэта, можно однозначно сказать, что они были творчески плодотворными и во многом предопределили поэтический опыт современников. И нельзя не согласиться с С. Б. Рассадиным, что Бенедиктов – поэт совершенно нового типа, склада, отличного от пушкинского, поэт, для которого не характерна легкость, ясность и простота «пушкинского периода русской словесности». Бенедиктов – поэт дисгармонии, где «рифма рифме удивилась, и шумно стреснулись слова!» [12, с. 53].

Поэту была чужда холодная изошрённость и хитрость «экспериментаторства», он не изобретательствовал. Однако он был близок к тайнам искусства как всякий истинный творец. Его поэтический дар, несмотря на нападки известных критиков, писав-

ших про него с нескрываемым отвращением и пренебрежением, по достоинству ценили близкие друзья, чуткие к художественным красотам его созданий. И. А. Гончаров из своих дальних странствий по морям в известном письме к В. Г. Бенедиктову «Плавание в Атлантических тропиках» писал: «Берите же, любезный друг, свою лиру, свою палитру, свой роскошный, как эти небеса, язык, язык богов, которым только и можно говорить о здешней природе, и спешите сюда, а я винюсь в своём бессилии и боязненно умолкаю!» [9, с. 206]

Библиографический список

1. Бенедиктов В. Г. Стихотворения / сост. и примеч. Б. В. Мельгунова ; вступ. ст. Ф. Я. Приймы. – Л. : Советский писатель, 1983. – 815 с.
2. Бакина М. А. Идиостиль В. Г. Бенедиктова // Эволюция поэтической речи XIX–XX вв.: Перифраза. Сравнение. – М., 1986. – С. 112–123.
3. Белинский В. Г. Избранные сочинения. – М. : ОГИЗ, 1947. – 662 с.
4. Белинский В. Г. Стихотворения Владимира Бенедиктова // Полн. собр. соч. В 13 т. – М., 1953. – Т. 1. – С. 355–372.
5. Вяземский П. А. Сочинения. В 2 т. – М. : Художественная литература, 1982. – Т. 2. – 383 с.
6. Гинзбург Л. Я. О лирике. – Л. : Советский писатель, 1974. – 408 с.
7. Гинзбург Л. Я. О старом и новом : ст. и очерки. – Л. : Советский писатель, 1982. – 423 с.
8. Гинзбург Л. Я. Стихотворения В. Бенедиктова // Бенедиктов В. Г. Стихотворения. – Л. : Советский писатель, 1939. – 335 с.
9. Зверев В. П. Русские поэты первой половины XIX века. Очерки жизни и творчества с приложением избранных стихов и библиографических справок. – М. : Русский мир, 2002. – 360 с.
10. Котляревский Н. А. М. Ю. Лермонтов. – СПб., 1915. – 435 с.
11. Кошелев В. А. «Кудри» и «вальсы»: О жизни и творчестве Вл. Бенедиктова // Литература в школе. – 1996. – № 5. – С. 23–35.
12. Кружков Г. Вл. Бенедиктов на фоне волн и холмов // Арион: журнал поэзии. – 1997. – № 3 (15). – С. 55–81.
13. Неверов Я. Н. Стихотворения Вл. Бенедиктова // Журн. М-ва народного просвещения. – СПб., 1836. – Ч. 2. – С. 192–199.
14. Пушкин А. С. Избранная лирика. – М. : Художественная литература, 1933. – 375 с.
15. Рассадин С. Б. Неудачник Бенедиктов // Спутники: Очерки. – М., 1983. – С. 191–244.

-
16. Шевырев С. П. Стихотворения Вл. Бенедиктова // Московский наблюдатель. – 1835. – Ч. 3. – С. 439–459.
 17. Шимкевич К. Бенедиктов, Некрасов, Фет // Поэтика. V: Временник Словес. Отд. Гос. ин-та истории искусств : сб. ст. – Л., 1929. – Вып. 5.
 18. Эйхенбаум Б. М. О литературе: работы разных лет. – М. : Советский писатель, 1987. – 540 с.
-

ТИПОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ И ОБРАЗ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ В СТИХОТВОРЕНИЯХ Н. М. КАРАМЗИНА АЛЬМАНАХА «АОНИДЫ»

Д. Г. Николайчук

*Аспирант,
Саратовский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия*

Summary. This article observes the typology of feminine images in the Karamzin's poems, which were printed in the poetical almanac "The Aonides". The author is trying to define the peculiarity of mistress' image in comparison with other feminine images.

Keywords: feminine images; N. M. Karamzin; poetry of the XVIII century.

С 1796 по 1799 гг. Н. М. Карамзин издает альманах «Аониды» (три книжки – 1796, 1797 и 1798–1799), в котором печатает стихотворения поэтов-современников, таким образом знакомя читателей с новейшей русской сентиментально-предромантической литературой. Значительное место в альманахе занимают стихотворения самого издателя. Среди них много произведений, в которых затрагивается тема любви. Но не во всех из них создаётся развёрнутый женский образ. В одних произведениях присутствие женщины лишь подразумевается («Лилея»), в других содержатся размышления лирического субъекта о любви («К бедному поэту», «К самому себе», «Надежда»). Целью данной статьи является рассмотрение тех стихотворений, в которых женский образ выделяется наиболее явно. Остальные помогают понять авторскую позицию относительно «женского вопроса», а также вы-